

A person wearing a red hooded robe with a fur-trimmed collar and a bag on their back stands on a rocky path, looking out over a vast mountain landscape. The mountains are covered in snow and partially shrouded in mist. A river flows through the valley below. The sky is blue with some birds flying. The overall style is that of a classic oil painting.

Шаман начинает своё путешествие

Фаина Щукина

Фаина Щукина

Шаман начинает

своё путешествие

<https://litres.ru/74240652>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой становится свидетелем видения, где шаман Соксар странствует между мирами времени и мечется между 1917 и 1948 годами. Эта история исследует тему духовного поиска и внутреннего конфликта через шаманизм и историю, объединяя разные традиции и эпохи.

Содержание

ПУТЬ ШАМАНА	4
ОГОНЬ БУДУЩЕГО	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Фаина Щукина

Шаман начинает своё путешествие

ПУТЬ ШАМАНА

Я нахожусь в том месте, где сезоны сменяют друг друга естественным образом. Навстречу холодной зиме, которая укрывает одеялом снега, наши леса и реки приходит тёплый ветер. Этот ветер заботливо, как мать, гладит замёрзшую землю, он дышит на неё и заставляет человеческое сердце биться с новой силой. В один из таких дней я и Соксар сидели около Горы духов. Ночное Звёздное небо смотрело на нас глазами ушедших предков, их зрачки сияли и множились на тысячи огней. Созвездие Большого лося стояло прямо над нами, хорошо можно было разглядеть каждую звезду. Соксар курил свою трубку, периодически подсыпая в неё прошлогодние травы, которые мы собираем в конце жаркого сезона. Руки шамана, огрубевшие от работы и северных ветров, бережно коснулись сухих веток кедра и бересты, уложенных в строгом сакральном порядке. Какое-то время понадобилось Шаману, чтобы тонкая струйка серого дыма потянулась вверх, но вместо того, чтобы раствориться в небе,

она начала свиваться в тугую спираль, словно подчиняясь воле невидимого кукловода. Соксар плеснул в зарождающийся пламя настой из горьких трав и растертого костного мозга священного оленя. Огонь жадно поглотил подношение, вспыхнув неестественным синеватым светом, который не отбрасывал тепла, но заставлял воздух вокруг вибрировать от напряжения.

Когда мой отец умер, - сказал Соксар с чуть прикрытыми глазами, выпуская дым. - На небе появился новый глаз предков. С тех пор прошло много лет, и этот глаз до сих пор наблюдает за мной. Я тоже скоро уйду, Секенак, и когда это случится, возьми все мои ритуальные обереги, сложи их в сосуд, который ты изготowiшь своими руками, и зарой здесь, чтобы духи предков приняли меня. Больше в твоём роду не будет шаманов этот путь окончен для того, чтобы начаться снова .

Что ты имеешь в виду Соксар? - удивился я его словам. - Как это ты собрался умирать? Ты ещё полон сил и здоров, в нашем племени рождаются новые дети, их нужно кому-то лечить, иначе духи оставят нас.

Не бойся про это, Секенак, - продолжал шаман. Духи угодили нашему племени новый путь, ребёнок, который родится сегодня, укажет его. Я видел будущее, — продолжил Соксар, и его голос вдруг стал громче, наполнив собой всю рощу, смешиваясь с шепотом листьев. — Я видел пути нашего рода. Я видел твоих сыновей, еще не рожденных, и сы-

новей их сыновей. Я видел, как рука врага поднимается на наше стойбище, и видел, как она падает, иссохшая. Я видел времена, когда наши очаги погаснут, и времена, когда огонь в них разгорится с новой силой.

С этими словами Соксар резко обернулся ко мне, и я инстинктивно отшатнулся.

— Зачем ты говоришь мне это? — спросил я, стараясь вернуть твердость в голос. — Ты всегда говорил, что знание будущего — это не для вождя. Что мое дело — решать сейчас, а твое — смотреть вперед.

— Да, — Соксар опустился обратно на землю, и в его движениях вдруг проявилась глубокая, вселенская усталость. Он схватил горсть земли и бросил ее в огонь. Костер зашипел. — Я предостерегаю тебя, Секенак. Я говорю это не как тот, кто хвастается силой. Я говорю это как тот, кто несет тяжесть

Он посмотрел прямо в мои глаза. Впервые за эту ночь в его взгляде не было потусторонней пустоты, а был лишь человек .

— Знание будущего, — прошептал Соксар, это не дар, Секенак. Это проклятие, которое я ношу за тебя, за твоих воинов, за каждую женщину и каждого ребенка в нашей деревне. Я вижу, как умирают те, кого я люблю, еще до того, как они родятся. Я слышу плач по погибшим воинам. Я знаю имена тех, кто предаст, и тех, кто будет верен до конца, но я не могу сказать тебе их.

Он протянул руку и коснулся своей груди, прямо там, где билось сердце.

— Это бремя. Я таскаю его по всем мирам, через которые странствую. И когда я возвращаюсь обратно, когда снова слышу смех детей у реки и звон мечей на поле для тренировок, я улыбаюсь им, но глаза мои полны слез, ибо я уже похоронил их всех в своих видениях.

Мои плечи, казалось, сжались под тяжестью. Я смотрел на шамана — своего друга, своего советника; того, кто был мостом между племенем и неведомым, — и впервые увидел в нем не вместилище духов, а человека. Человека, который добровольно взвалил на себя ношу, неподъемную для любого смертного.

— Зачем же ты берешь эту ношу? — спросил я.

Соксар медленно перевел взгляд на костер.

— Потому что кто-то должен идти, — ответил он просто. — Потому что если я не пойду, наше племя будет слепым зайцем, который ползет к краю пропасти. Я несу это проклятие, чтобы вы могли жить в благословенном неведении сегодняшнего дня.

Он встал, и на этот раз его фигура снова стала обычной, человеческой, немного сгорбленной от прожитых лет.

— Я рассказал тебе это не для того, чтобы ты пожалел меня, Соксар. Я рассказал это, чтобы ты знал: если однажды мои глаза станут совсем пустыми, а голос заговорит голосами тех, кого нет рядом — не бойся. Это просто я смотрю на

вас оттуда, откуда видно всё. И помни: я плачу цену за наше будущее каждую ночь, чтобы утром вы могли просто жить.

Закончив свою исповедь, Соксар затянулся дымом трубки и выпустил густой дым, который отражался сквозь пламя костра и рассеивался во влажном ночном воздухе. Я и шаман продолжали сидеть у костра в ночь, когда она равна дню. Сегодня духи небесного царства входят в наш мир для того, чтобы запустить новый виток жизни. Моя младшая дочь Ро ждала ребёнка и скоро должна была разрешиться, Соксар позвал меня для обряда помощи в родах для Ро к горе духов.

Шаман сидел у костра, прикрыв глаза, и издавал какое-то монотонное мычание, это означало что обряд начался. Встав около костра, он взял ритуальный бубен. Сначала Соксар ударил в него еле слышно: три коротких и один медленный удар тум-тум-тум дум. Сделав глубокий выдох, шаман продолжил держать этот ритм. Глаза Соксара были прикрыты, тело его раскачивалось из стороны в сторону, а дым от огня как будто следовал за ним и поднимался всё выше и выше к небу. Костёр разгорался всё сильнее. Тум-тум- тум дум, тум-тум-тум дум - пел его бубен колыбельную для духа огня. Правая нога Соксара на полупальцах отступила в сторону от костра, шаман чуть-чуть присел, нагнувшись, как какое-то хищное животное. Левая его нога ступила в сторону, и тело Соксара последовало за ногой. Он стал совершать какие-то фигуры в воздухе руками и размахивать ими, как будто это крылья ворона. Продолжая свой ритуальный танец, шаман

начал вглядываться в костёр и в дым, который исходит от него густым потоком. Ритуал очищения продолжался достаточно долго, первая партия дров в костре начала догорать, тогда Соксар остановился и поклонился огню. Он кинул туда горсть ячменя, что принёс с собой в сумке из бобровой шкуры. "Благодарю тебя, Дух огня, за благословение", - сказал Шаман на древнем языке предков, смысл которого я понимал. Затем Соксар достал из сумки сверток какой-то травы. В темноте я разглядел, что это была полынь. Он поджёг охапку растения огнем костра - началось второе действия обряда. Жестом шаман попросил меня встать рядом с собой. Я подошёл к нему, и Соксар закрыл мне глаза своей шершавой ладонью. Зрение оставило меня, я превратился в комок из ощущений. Сквозь прикрытые веки я наблюдал как полыхает огонь, на своей коже чувствовал прикосновение его тепла и дыма от полыни. Вдохнув этот горький и терпкий запах животворящей травы, по телу прокатилось расслабление от макушки до кончиков пальцев ног. Я почувствовал разливающееся тепло. Шаман произносил свое заклинание, и воздух от его рук касался меня.

"Ау, ау, шихардакарда кавда", - шипел Шаман где-то около моего права уха. "Шивда вноза митта миногам", - раздавалось уже сзади меня. "Каланди инди якутама битм, - слышалось с левой стороны. - Акутоми ни нуфан зидиман". Звук его голоса слышался всё дальше и дальше, как будто я падаю в какой-то тёмный тоннель. Я погружался в эту тем-

ноту всё глубже и глубже, казалось, что моё тело начало парить в невесомости. Теперь я слышал только удары его бубна: тум-тум-тум дум, тум-тумтум дум...

"Открой глаза и ты увидишь", - раздался голос из глубины меня. Я посмотрел вперёд и увидел, что где-то в огне стоит человек в странной одежде. На нём была чёрная ткань, которая спадала до земли, руки его были закутаны в неё, а волосы этого человека длинные и седые спадали на плечи. В своей левой руке он держал что-то, а правой рукой чертил по воздуху незнакомый мне знак. Этот мужчина что-то говорил, но я не мог понять смысл этих слов, его голос уносился от меня пока совсем не стих.

ОГОНЬ БУДУЩЕГО

Тайга дышала тяжелым и влажным дыханием. Соксар чувствовал, как тишина давит на виски, становясь почти осязаемой, словно густой туман, поднимающийся от незамерзающих подземных ключей. В этой тишине не было покоя, лишь затаившееся ожидание неизбежного. Воздух сделался привычно горьким, пропитанным запахом старой хвои и чем-то металлическим, напоминающим вкус крови на языке. Духи леса, обычно шумные и капризные, внезапно умолкли, покинув свои насиженные пристанища в корнях и кронах голых деревьев. Соксар стоял около моего спящего тела, всматриваясь в огонь, где реальность начинала медленно истончаться, обнажая невидимые швы потустороннего мира.

Внезапно земля под ногами едва заметно дрогнула, и со стороны священного круга донесся тихий, едва различимый гул. Это не был звук ветра или треск ломающейся ветки; это был стон звезд, призывающих своего путника. Соксар заметил, как на земле проступают странные тени, хотя луна была скрыта плотными облаками. Тени сплетались в причудливые узоры, напоминающие очертания незнакомых построек и символов, чуждых его времени. Сердце шамана забилось в неровном ритме, вторя этому подземному гулу. Его кожа горела, несмотря на холод, а перед глазами то и дело вспыхивали огненные искры. Это были знамения будущего, ко-

которые пытались пробиться сквозь завесу тяжелого и плотно-
го настоящего. Род звал его, но в этом зове не было триум-
фа, лишь тягучая неизбежность. Он коснулся пальцами ри-
туального ножа на поясе, и сталь отозвалась железным холо-
дом, подтверждая реальность происходящего. Духи предков
больше не шептали советы, они застыли в безмолвии, тре-
буя шага в неизвестность. Грань между мирами стала тон-
кой, как лист пергамента, и Соксар понимал: эта ночь навсе-
гда изменит не только его жизнь, но и судьбу тех, кто еще не
успел родиться под этим сибирским небом.

Соксар укрыл меня шкурой медведя и медленно опустил-
ся на колени перед горящим огнем. Его движения были тя-
желыми, словно каждое усилие преодолевало сопротивление
невидимой стены. Соксар не пел привычных заговоров, он
чувствовал, как фантомные тени зданий из его видений ста-
новятся плотнее, почти осязаемо разрезая воздух тайги сво-
ими каменными углами. Шаман закрыл глаза, настраиваясь
на ритм этого чужого времени. Металлический привкус во
рту усилился, превращаясь в отчетливый вкус железа и кро-
ви. Он понимал, что ткань реальности вокруг него начала
крошиться, превращая привычный лес в зыбкую декорацию.
Костер был готов принять его жертву, открывая путь туда,
где угасала жизнь того, чье существование было неразрывно
связано с этим древним ритуалом. Путешественник между
мирами расправил плечи, ощущая, как ритуальные подвески
на его фартуке начинают тихо звенеть сами собой. Он вгля-

дывался в центр костра, где за пляшущими искрами уже начинали проявляться очертания темной комнаты, пропитанной запахом ладана и болезни. Его подготовка была завершена; теперь оставалось лишь дожидаться момента, когда пламя станет дверью. Пламя костра, еще мгновение назад казавшееся живым существом из плоти вдруг застыло, превратившись в прозрачное стекло, через которое просачивались образы иного мира. Соксар подался вперед, не обращая внимания на то, что кончики его кожаных унт уже начали дымиться от близости к углям. В самом сердце синего огня, там, где обычно рождается свет, он увидел человека, который явился мне в пламени, это был старик в черном платье. Человек лежал на узкой кровати, укрытый серым, грубым одеялом, которое казалось неподъемным бременем для его длинного и утонченного тела. Пальцы старика, длинные и сильные, сжимали металлический крест, висевший на груди. Соксар почувствовал, как по его собственным жилам разливается духота этой чужой комнаты, соприкасаясь с холодом сибирской ночи.

Взгляд умирающего был устремлен в пустоту, но в какой-то момент его глаза, подернутые мутной пеленой болезни, словно сфокусировались на самом шамане сквозь толщу столетий. Соксар узнал в этих чертах отголоски собственного лица, искаженные временем и чуждой верой, но сохранившие ту же непокорную искру в глубине зрачков. Этот человек был ветвью того же корня, где духи предков были забы-

ты. Вокруг старика клубились тени, которые пахли не лесом, а воском и пылью старых писем. Шаман видел, как губы священника шевелятся, произнося беззвучные слова, которые доносились до Соксара лишь глухим рокотом. Это была молитва о спасении. Соксар осознал, что время этого человека истекает быстрее, чем догорает кедровое полено в его костре. Если он не шагнет сейчас в эту комнату, ветвь рода обломится в полном одиночестве, унося с собой тайну, которую они оба обязаны были разделить.

Соксар посмотрел на свои ладони, они казались прозрачными в свете магического огня. Его судьба больше не принадлежала тайге; она была привязана к этой тесной комнате, пахнувшей воском и ладаном. Путешественник закрыл глаза и почувствовал, как воля предков подталкивает его в спину, лишая возможности вернуться назад. Быть шаманом, значит быть мостом. С выдохом, в котором смешались молитва и боевой клич, Соксар подался вперед. Его нога обернутая выделанной кожей оленя коснулась самого сердца костра, где пламя было белым и ослепительным. Воздух вокруг него свернулся, превращаясь в душную баню, а реальность начала осыпаться пеплом. Белый свет не просто ослепил его, он стал всем его существом. Соксар чувствовал, как огонь, который мгновение назад был лишь кедровыми поленьями, превращается в живую материю. Боль была острой, но странно чистой, словно раскаленный клинок выжигал из его памяти запахи таежной хвои и холод ночного ветра, освобож-

дая место для чего-то иного Он падал вверх, сквозь слои времени, где тени предков проносились мимо него, безмолвно указывая путь к той единственной точке, где еще теплилась искра их будущего. Каждое мгновение этого перехода казалось вечностью. Вихри войн, которых он еще не знал, и звон колоколов, не похожий на звук бубна, обрушивались на его сознание. Свет начал обретать очертания, дробясь на тени и призрачные контуры предметов, которых никогда не знала древняя Сибирь. Ноги шамана, привыкшие к мягкому мху и острым камням, коснулись твердой и ровной поверхности, которая не была землей. Гул в ушах начал стихать, превращаясь в прерывистое, хриплое дыхание. Соксар еще не открыл глаза, но уже чувствовал, что мир вокруг него изменился навсегда. Тайга осталась позади, в этой темной комнате, его ждало нечто более удивительное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.